

- ²¹ Материалы по земскому общественному устройству (Положение о земских учреждениях). СПб., 1885. Т. 2. С. 363.
- ²² Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 2, д. 13. л. 418 об. – 419.
- ²³ См.: Отчет по ревизии земских учреждений Вятской губернии. Т. 1. С. 299.
- ²⁴ См.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). М., 1970. С. 214.
- ²⁵ Подсчитано по: Журналы Пермского губернского земского собрания XXIV очередной сессии, 1894. Пермь, 1894.
- ²⁶ Подсчитано по: Журналы Пермского губернского земского собрания XXVII очередной сессии, 1897. Пермь, 1897.
- ²⁷ См.: Журналы Пермского губернского земского собрания XXXII очередной сессии, 1902. Пермь, 1902. С. 395.
- ²⁸ Там же. С. 396.
- ²⁹ Журналы Пермского губернского земского собрания XXIV очередной сессии, 1894. Пермь, 1894. С. 385.
- ³⁰ См.: Журналы Пермского губернского земского собрания XXIX очередной сессии, 1899. Пермь, 1899. С. 310–311.
- ³¹ См.: *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 4. С. 363; *Королева Н. Г.* Земство на переломе (1905–1907). С. 4.
- ³² См.: *Куликов В. В.* Местное самоуправление и административный надзор: исторический опыт земства // Журн. российского права. 2000. № 9. С. 148.
- ³³ Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 43, оп. 1, д. 22, л. 18.
- ³⁴ Там же, л. 18 об.
- ³⁵ См.: *Ефремова Н. Н., Немытина М. В.* Местное самоуправление и юстиция в России (1864–1917) // Государство и право. 1994. № 3. С. 126–133.
- ³⁶ История Правительствующего сената за двести лет. Т. 4. С. 152.
- ³⁷ См.: *Блинов И. А.* Отношение Сената к местным учреждениям в XIX в. СПб., 1911. С. 204.
- ³⁸ Подсчитано по: Систематический свод указов Правительствующего Сената, последовавших по земским делам / Сост. секретарь Воронежской губернской земской управы Н. И. Кузнецов. Т. 2. 1899–1903; Т. 3. 1903–1906. Воронеж, 1903–1909.
- ³⁹ *Правилова Е. А.* Местное и центральное управление России: проблема правового регулирования // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 45.
- ⁴⁰ ГАПО, ф. 43, оп. 1, д. 327, л. 35.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² См.: К статистике ходатайств Пермского губернского земства перед правительством (с 1870 по 1899 гг.) // СПЗ. 1902. № 4. Отд.3. С. 131.

Л. А. Дашкевич

**«ПОД АВГУСТЕЙШИМ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ...»
(О благотворительной деятельности
Императорского человеколюбивого
общества на Урале)***

История российской благотворительности стала в последнее время одной из самых популярных тем в исторических исследованиях. Однако после многолетнего безразличия к воп-

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 04-01-83110 а/У «Ассоциации и объединения городских элит дореволюционного Урала».

росам деятельности российских меценатов и филантропов историки стали впадать в другую крайность, рисуя прошлое благотворительности с оттенком безграничного умиления, восхваления, восторженности. Между тем феномен этот был, конечно, значительно более сложным явлением.

Прошлое благотворительных обществ, созданных в крепостной России по инициативе монархической власти (Ведомство учреждений императрицы Марии, Императорское человеколюбивое общество, Попечительное о тюрьмах общество и др.), историки и публицисты неоднозначно оценивали уже в XIX веке, подчеркивая их консервативность, полугосударственный характер, чуждый самой идее частной благотворительности.

Любопытный источник, позволяющий понять отношение провинциального общества к благотворительным ведомствам, состоявшим под особым, «августейшим» покровительством, сохранился в Российском государственном историческом архиве. Это рукопись исторического очерка, посвященного 50-летию Уфимского попечительного комитета о бедных – местного отделения Императорского человеколюбивого общества¹, принадлежащая перу Валентина Новикова – губернского предводителя оренбургского дворянства, который состоял в 60–70-е годы XIX века в должности присутствующего члена Уфимского попечительного комитета о бедных.

В 1870 году попечительный комитет направил сочинение В. Новикова в совет Императорского человеколюбивого общества с просьбой о «напечатании оногo в количестве 100 экземпляров». Однако необходимого разрешения на публикацию совет не дал. Очерк подвергся безжалостной правке редактора, был изменен по содержанию и появился в свет в строго официальной форме, лишенной каких бы то ни было авторских размышлений и оценок². Причиной столь немилостивого отношения к сочинению оренбургского дворянина стали, очевидно, его весьма нелестные характеристики в адрес многих руководителей уфимского отделения Императорского человеколюбивого общества.

Императорское человеколюбивое общество возникло в Санкт-Петербурге в 1802 году по воле императора Александра I. Первоначально оно существовало в виде двух самостоятельных организаций – Медико-филантропического комитета и Попечительного о бедных комитета. В 1816 году комитеты объединились в единую организацию, подчиненную совету Императорского человеколюбивого общества. Правила вновь созданной благотворительной организации составил главный попечитель Человеколюбивого общества князь Александр Николаевич Голицын – видный государственный деятель, известный, помимо прочего, своей принадлежностью к масонскому движению. В XIX веке он входил в петербургскую масонскую мастерскую «Общество людей нового Израиля». К этой ложе принадлежали, кстати, и некоторые члены попечительного комитета Человеколюбивого общества, представленные князем А. Н. Голицыным императору Александру I: надворный советник Григорий Максимович Походяшин (сын известного уральского заводчика М. Походяшина) и статский советник Иван Андреевич Петров. В попечительном комитете состояли и представители других петербургских масонских лож: Никита Семенович Липкин, Александр Петрович Мартынов, Кузьма Петрович Скворцов, Иван Потапович Чернов³. Сложно говорить о политических устремлениях масонов, включившихся в деятельность Императорского человеколюбивого общества, но, как признает британская исследовательница Исабель де

Мадариага, изучавшая историю масонства, российских розенкрейцеров с конца XVIII в. скорее всего интересовали не столько политические перемены, сколько социальные реформы средствами филантропии⁴.

Одной из задач вновь созданного совета Императорского человеколюбивого общества стало распространение деятельности благотворительной организации, создание в стране ее комитетов и отделений. Позаботиться об этом на местах должны были губернаторы. В 1817 году Комитет министров одобрил правила действия попечительных советов Человеколюбивого общества и разослал их губернаторам для исполнения. Среди уральских губерний на этот призыв откликнулась лишь «дворянская» Оренбургская губерния.

Открытие попечительного комитета о бедных в Уфе состоялось 22 июня 1821 года⁵. Первым президентом его единогласно был избран епископ Оренбургский и Уфимский Феофил. Должность второго председателя получил оренбургский гражданский губернатор Матвей Андреевич Наврозов. Очерк В. Новикова сохранил любопытную деталь: первые выборы Наврозова в председатели комитета оказались неудачными – число «избирательных шаров» при выборах «превысило тремя число избирательных». Факт весьма красноречивый: благотворительная организация, несмотря на свой полугосударственный характер, несомненно, несла в себе элементы демократии и давала возможность местному обществу приобрести опыт гражданской жизни. В. Новиков объясняет результаты голосования желанием горожан создать независимую от местной администрации, работоспособную организацию. Обремененный постоянными административными заботами губернатор, как справедливо полагали жители Уфы, не сможет уделять достаточного внимания нуждам благотворительного комитета. Результаты голосования не оказались, однако, решающими – губернатор все же получил роль второго председателя комитета.

Устав Уфимского попечительного комитета о бедных, утвержденный в 1822 году, несколько изменил структуру благотворительной организации. Должности президента, второго председателя и вице-президента попечительного комитета были отменены, оставлена лишь должность председателя. Устав предполагал ежегодное переизбрание председателя общества путем баллотировки. При этом руководитель организации должен был отчитываться о своей деятельности перед действительными членами комитета – попечителями. Их число, согласно уставу, не должно было превышать 16. Учреждены были также звания почетных членов, благотворителей и внешних сотрудников комитета, которые предлагались лицам, известным в обществе своей благотворительностью.

В годы правления Николая I о демократических основах деятельности благотворительного общества было забыто, началась его постепенная бюрократизация. Ежегодные выборы председателя Уфимского попечительного комитета о бедных производились лишь до 1827 года. В 1821–1822 годах общество доверило эту должность епископу Оренбургскому и Уфимскому Феофилу, в 1823 – титулярному советнику Т. И. Сысоеву, в 1824 – епископу Амвросию, в 1825–1826 годах – полковнику И. И. Жмокину. В 1827 году звание председателя попечительного комитета принял на себя оренбургский губернатор Иосиф Львович Дебу. В этой должности без повторной баллотировки он оставался до конца своего управления губернией – до 1832 года.

Вслед за Дебу в течение почти всего дореформенного периода (с небольшими перерывами) руководство местной благотворительной организацией сохраняли за собой гражданские и военные губернаторы края. Все они, как правило, воспринимали эту должность как формальную, ни к чему не обязывающую общественную нагрузку и мало заботились о делах комитета. Истинным милосердием и состраданием к ближним среди них выделялся, пожалуй, лишь Николай Васильевич Жуковский – гражданский губернатор, руководивший Оренбургской администрацией в 1832–1835 годах.

Встав во главе губернии, Н. В. Жуковский постарался расширить благотворительную деятельность попечительного комитета и придать ей более рациональную форму. В комитет были приглашены новые лица, причем не только мужчины, но и женщины. Секретарем общества стал директор училищ Оренбургской губернии Н. В. Базилев – человек просвещенный и энергичный. Под руководством губернатора попечители и благотворители комитета энергично взялись за его реорганизацию: еженедельно проводились заседания общества, обсуждались меры помощи наиболее обездоленным жителям края.

Традиционную для комитета выдачу денежных пособий и милостыни бедным жителям города Жуковский сохранил, но предписал поставить ее под строгий контроль общества. Для того, чтобы пособия поступали лишь к истинно нуждающимся и не раздавались неизвестно кому, членам комитета было поручено усилить наблюдение за благосостоянием и образом жизни бедняков, которые для удобства наблюдения были разделены между членами комитета (что и предполагало с самого начала своего существования Императорское человеколюбивое общество, взявшее за основу гамбургскую систему минимизации нищенства).

Помимо открытых форм социальной помощи Жуковский предложил организовать в Уфе на средства комитета несколько постоянно действующих закрытых благотворительных учреждений. Одним из них стала бесплатная лечебница на 10 коек для бедных женщин и сирот, которая начала свою работу в 1833 году – вскоре после прихода Жуковского к управлению губернией. Кровати, постельное белье, посуду и одежду для больных пожертвовали уфимские дворяне и чиновники (помещик Бедрин, вице-губернатор Безобразов), а также местные дамы – Е. Н. Жуковская, Н. Г. Иванова и Л. В. Авдеева.

Важным благотворительным учреждением в Уфе, по мысли Н. В. Жуковского, должен был стать местный дом трудолюбия. Губернатор предполагал, что в этом доме смогут получать признание и обучаться первоначальным навыкам мастерства сироты и дети из малообеспеченных семей: 12 мальчиков и 12 девочек. Проект Уфимского дома трудолюбия отправили в Санкт-Петербург на рассмотрение совета Императорского человеколюбивого общества. Совет, получив проект, в целом одобрил его, но высказался против совместного обучения мальчиков и девочек. Уфимский комитет согласился с этим замечанием и изменил проект, предложив бесплатное обучение в ремесленном доме лишь 15 девицам из бедных семей. Постановление комитета по этому поводу было принято 20 апреля 1835 года.

Проекту открытия Уфимского дома трудолюбия, однако, не суждено было осуществиться. 8 июня 1835 года Н. В. Жуковского перевели в другую губернию, он покинул Уфу. Новый губернатор А. П. Гевлич, приняв на себя руководство комитетом, тотчас же сообщил в столицу, что орга-

низация не имеет средств, достаточных для содержания женской ремесленной школы. «Замечательно, – пишет В. Новиков, – что из трех членов, подписавших это постановление, двое при губернаторе Жуковском участвовали в постановлении на 20 апреля, где доказывалась полная возможность осуществления означенного проекта. Очевидно, что чиновники... руководились и в том, и в другом случае взглядами на дело их начальников, а никак не своими убеждениями».

Столь яркое замечание современника событий отчетливо указывает на то, что Императорское человеколюбивое общество трудно считать добровольной ассоциацией. Создав по воле монарха благотворительную общественную организацию, дворяне и чиновники формально не могли отказаться от филантропических обязанностей, но воспринимали их по большей части как одну из обычных служебных нагрузок и не проявляли в общественной деятельности особой инициативы или активности. Не обходилось и без курьезов. Один из них описал в своей рукописи В. Новиков: оренбургский военный губернатор Владимир Афанасьевич Обручев, руководивший благотворительным обществом в 1843–1851 годах, однажды просто-напросто забыл о том, что эта организация подчиняется ему.

В 1844 году предшественник Обручева чиновник Естифеев направил в совет Императорского человеколюбивого общества прошение об увольнении его от дел. Узнав из письма совета об этом прошении, генерал-губернатор попросил деятелей уфимского комитета сообщить ему, кто же станет возглавлять организацию вместо прежнего председателя. Растерявшиеся уфимские дворяне ответили начальнику края, что «до сего времени они имели честь числить председателем комитета самого генерал-губернатора», так как еще в июле 1843 года он высказал желание руководить благотворительной организацией. Узнав от уфимских дворян о собственном решении, В. А. Обручев согласился остаться председателем комитета и продолжал нести это звание все время, пока управлял губернией.

Дела в уфимской общественной благотворительности вернулись к прежнему печальному состоянию. Больница, созданная во времена Н. В. Жуковского, как пишет В. Новиков, по странному стечению обстоятельств «сама собою уничтожилась» и уже в 1837 году не имела больных; средства, предназначенные для материальной поддержки получающим образование детям из малообеспеченных семей и сиротам, не выдавались; перестали вестись даже специальные списки бедных жителей Уфы и других селений Оренбургской губернии, что было положено уставом комитета, который вновь превратился в контору по раздаче милостыни и пособий.

Средства для благотворительной деятельности Уфимский попечительный комитет о бедных получал за счет взносов участников общества и благотворительных пожертвований. Взносы эти, правда, были весьма невелики. По подсчетам В. Новикова, в 1859 году сумма пожертвований внешних сотрудников комитета, почетных членов и частных лиц не превышала 600 р. серебром в год при общем приходе средств в 13 046 р. серебром.

Главной статьей дохода в бюджете благотворительного комитета, как и в губернских приказах общественного призрения, была выручка от кредитных и сберегательных операций. Надо сказать, что эти операции комитет развивал достаточно успешно. Начав свое существование в 1821 году с капиталом в 23 180 р. ассигнациями (в пользу комитета были переведе-

ны остатки от суммы, пожертвованной на пособие жителям Уфы, пострадавшим от пожара в 1815–1816 годах), к 1861 году комитет, согласно данным В. Новикова, увеличил свои средства более чем в 5 раз и имел уже 33 580 р. серебром (около 117 532 р. ассигнациями). «При полном отсутствии кредитных учреждений, где было бы возможно получить ссуду под всесель или залог недвижимого имущества, – пишет автор очерка, – общество было очень довольно, что комитет явился небольшим банком, где ссуды были очень легки и удобны, а потому число желающих пользоваться кредитом из комитета превышало далеко размер сумм, назначенных в ссуду».

Отношение местного общества к благотворительной организации, однако, было весьма прагматичным: охотно обращаясь в попечительный комитет за кредитами и ссудами, оно, как пишет В. Новиков, весьма неохотно отзывалось на призывы о пожертвованиях и благотворительных взносах в комитет, «не видя, вероятно, никакой пользы от его ничтожных благотворений». «Благотворения» эти для бедных жителей, обратившихся в комитет за помощью, в дореформенный период не превышали 13 р. серебром на человека в год. Число призываемых комитетом в 1821–1860 годах ежегодно составляло от 97 до 344 человек⁶.

Переломным в истории Уфимского попечительного комитета о бедных стал рубеж 1850–1860-х годов, когда было высочайше утверждено новое положение о его деятельности. Согласно новому уставу, комитет лишился права вести кредитные операции, что во многом ограничило возможности его финансовой деятельности. Основные доходы в пользу комитета теперь стали поступать от сберегательных вложений в центральные и местные банки. Тем не менее, Уфимский попечительный комитет о бедных не только не потерял свой авторитет в глазах местного общества, но, напротив, стал весьма уважаемой организацией. Увеличилось и число добровольных пожертвований. В. Новиков объясняет это изменением статуса комитета и его сотрудников: председатель комитета и постоянно присутствующие члены с 1859 года получили права государственной службы без содержания. Статус государственной службы, традиционно весьма почетный для большинства россиян, как считают исследователи, повышал престиж благотворительности в обществе. Благотворительные акции давали местным дворянам и разночинцам средство для чиновничьей карьеры, продвижения наверх. А. Р. Соколов в работе, посвященной деятельности Императорского человеколюбивого общества, утверждает, что эта полугосударственная организация аккумулировала пожертвования той части филантропов, которые рассматривали свою благотворительность как средство карьерного роста⁷.

Новые руководители Уфимского попечительного комитета о бедных в середине XIX века признали нерациональность и бессмысленность благотворительной деятельности организации в ее прежних формах и начали энергичное формирование системы закрытых благотворительных учреждений и специальных пособий для бедных. В 1870 году в Уфе была открыта лечебница для приходящих бедных больных с родильным отделением и стационаром, в 1873 году – женская богадельня. В 1874 году комитет приобрел для бедных жителей города бесплатные квартиры (они предоставлялись преимущественно одиноким женщинам с детьми)⁸. Жителям Уфы и округи комитет старался оказывать и «трудовую» помощь. В 1896 году при благотворительной организации было создано специальное справоч-

ное бюро, напоминающее современную службу занятости. В бюро обращались желающие получить работу и работодатели. Действовала эта служба достаточно успешно. В 1899 году, например, в нее обратились 987 человек, желающих получить работу, и 486 нанимателей.

Во второй половине XIX века в благотворительную деятельность Человеколюбивого общества включились уфимские дамы. В 1874 году они создали в Уфе женское благотворительное отделение местного попечительного комитета о бедных. В его ведение перешли женская богадельня попечительного комитета и Александровская общественная богадельня, учрежденная уфимским городским обществом в 1866 году.

Существенно увеличить размеры помощи бедным во второй половине XIX века Уфимский попечительный комитет не смог. Благотворительные учреждения комитета по-прежнему финансировались из «вечного капитала», т. е. на проценты от капиталов, обращавшихся в банках, что неизбежно замедляло развертывание их деятельности.

«Августейшим покровительством» императрицы Марии Федоровны во второй половине XIX века стало пользоваться и Пермское дамское попечительство о бедных. Благотворительное общество стало осуществлять свои функции в 1862 году и находилось первоначально в ведомстве Министерства внутренних дел. В 1887 году по высочайшему повелению оно стало считаться местным отделением Императорского человеколюбивого общества. К концу XIX века Пермское дамское попечительство о бедных содержало в Перми убежище детей бедных, дом призрения престарелых женщин, а также ясли для детей рабочих в Солдатской слободке и на Слудке.

Убежище для детей бедных было открыто в 1865 году в Перми на средства, пожертвованные населением города. В приюте призревались сироты и дети бедных родителей. Помимо материального попечения, они получали здесь элементарное образование и навыки рукоделия. Религиозно-нравственное воспитание и образование детям приюта давали две церковно-приходские школы (для мальчиков и девочек) и церковь во имя св. Марии Магдалины, которая действовала при убежище. С 1889 года дети могли научиться в убежище и основам ремесла. При приюте были открыты ремесленные классы с четырехлетним курсом обучения. Здесь учили столлярному, токарному и переплетно-футлярному производствам. Детское убежище имело собственное здание, которое подарили в 1883 году Пермскому дамскому попечительству о бедных пермские купцы Федор и Григорий Каменские. К 1900 году в приюте призревалось 56 мальчиков и 35 девочек. Смотрительницей его была Софья Федоровна Баранова. Во флигеле убежища для детей бедных располагался дом призрения престарелых женщин. Он был открыт в 1883 году на средства попечительства. К 1900 году здесь призревалось 10 женщин⁹.

Устав Пермского дамского попечительства о бедных был утвержден министром внутренних дел 19 апреля 1862 года. Он предусматривал объединение общественных сил города для «вспомоществования всем престарелым, больным, сиротам и обремененным большими семействами»¹⁰. В состав общества могли входить все, кто хотел участвовать в «благотворительной цели попечительства» постоянными пожертвованиями или личным трудом. В 1863 году оно объединило 95 мужчин и 33 женщин. Председательницей общества была избрана супруга пермского гражданского губернатора Александра Васильевна Лашкарева.

Попечительство стремилось оказать благотворительную поддержку широкому кругу нуждающихся, выявить наиболее обездоленные слои населения. Для этого решено было разделить территорию города на четыре части, которые назывались отделениями попечительства. Этими отделениями руководили дамы-попечительницы, которых назначала председательница общества. В 1863 году в обществе было 7 дам-попечительниц: Наталья Павловна Антипова, Аделаида Федоровна Быкова, Александра Яковлевна Газенвинкель, Мария Александровна Дейша, Екатерина Ипполитовна Комарова, Анна Степановна Любимова и Апполинария Ивановна Тимашева.

В помощь дамам-попечительницам набирались сотрудники и сотрудницы общества, которые следили за положением дел в кварталах города. Сотрудников дамы-попечительницы набирали самостоятельно, испросив, правда, на это согласие председательницы. В 1863 году среди сотрудников числилось 18 мужчин и 4 женщины.

Благотворительные взносы и пожертвования в пользу общества, помимо попечительниц и сотрудников, передавали члены-благотворители. В 1863 году в их числе находилось 76 мужчин и 21 женщина, среди них: архиепископ Пермский и Верхотурский Неофит, заводовладелец Павел Александрович и Александр Всеволодович Всеволожские, пермские купцы Григорий Козьмич и Федор Козьмич Каменские, Иван Филиппович Филиппов, Мария Николаевна Дягилева, Парасковья Андреевна Марьяна, екатеринбургский купец Петр Дмитриевич Харитонов¹¹.

Исполнительные функции в Пермском дамском попечительстве о бедных осуществлял комитет, в который, согласно устава, входили председательница благотворительного общества, дамы-попечительницы и несколько сотрудников и сотрудниц (по выбору общего собрания организации). Однако деятельность дамского попечительства не была полностью самостоятельной. С самого начала существования общества она постоянно контролировалась высшей администрацией города и края. Покровителем благотворительной организации был пермский гражданский губернатор, который имел звание почетного попечителя комитета. С 1887 года контроль за деятельностью попечительства стал осуществлять совет Императорского человеколюбивого общества.

Нам не удалось обнаружить источника, который характеризовал бы отношение горожан к Пермскому дамскому попечительству о бедных в начале XX века, когда можно было уже говорить о каких-то результатах его деятельности за достаточно большой период работы. Известно только, что в начале своего существования начинания благотворительного общества не вызывали большого сочувствия в Перми. Причины этого – в особенностях социокультурного облика и ментальности жителей российской провинции середины XIX века, которые ярко охарактеризовал в одной из своих статей современник событий, секретарь Пермского дамского попечительства о бедных Ф. В. Ливанов. «В нашей цивилизации, не имеющей в себе никакой самостоятельной силы, – писал он в 1863 году, – в нашем маленьком умственном и моральном мире, где нет ничего стоящего твердо, где нет почти ни одного интереса, который бы не стыдился и не конфузился самого себя и сколько-нибудь верил бы в полезность своего существования, подобные учреждения долго не могли явиться на помощь общественной организации государства. Но вот, наконец, и мы придвинулись к эпохе исторического развития общественной жизни, когда

езде заговорили о необходимости общественных учреждений, в которых бы могла приютиться всякая умная и полезная мысль частного человека и которые бы, связывая людей в более или менее крепкие формации, в результате давали бы государству то, что мы называем общественными силами оного»¹².

Носителем процесса социальной эмансипации и постепенного формирования основ гражданского общества в «маленьком умственном и моральном мире» российской провинции первой половины XIX века стала, как известно, монархическая власть. Поэтому, оценивая неоднозначно роль Императорского человеколюбивого общества в развитии российской благотворительности, нужно все же признать, что оно несло в себе элементы новых культурных ценностей и, несомненно, способствовало растущей самостоятельности общества, становящегося все более многообразным, зрелым и разносторонним.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 768, оп. 2, д. 338.

² См.: Очерк основания и 50-летней деятельности Уфимского попечительного комитета Императорского человеколюбивого общества. СПб., 1871.

³ См.: Проект образования Императорского человеколюбивого общества. СПб., 1816. С. 9; Серков А. И. Русское масонство, 1731–2000: Энцикл. слов. М., 2001.

⁴ См.: *Де Мадарцага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 843.

⁵ Мнские Государственного совета об образовании в Уфе Попечительного комитета о бедных было высочайше утверждено несколько ранее – 13 мая 1819 года.

⁶ РГИА, ф. 768, оп. 2, д. 338, л. 52–54.

⁷ См.: *Соколов А. Р.* Благотворительная деятельность «Императорского человеколюбивого общества» в XIX веке // *Вопр. истории.* 2003. № 7. С. 110

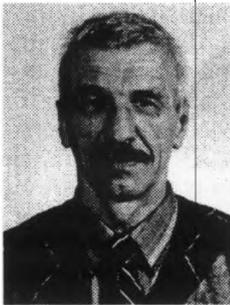
⁸ См.: Императорское человеколюбивое общество: Крат ист. очерк. СПб., 1901. С. 96.

⁹ См.: Там же. С. 117–119.

¹⁰ Пермские губернские ведомости. 1863. № 26. Ч. неофиц.

¹¹ См.: Там же. № 29. Ч. неофиц.

¹² Там же. № 25. Ч. неофиц.

А. С. Максяшин

ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ

Одним из положительных факторов современного художественного образования является то, что оно несет в себе ценностный смысл, подразумевающий формирование интеллекта и культуры личности, ориентированной на осмысление исторического опыта, воспроизводство и трансляцию уже накопленных в прошлом знаний. Становление нового мышления невозможно без анализа исторического типа культурного развития человечества с его принципиальными установками на диалог с конкретной личностью и обществом в целом. Признание ценности традиций позволяет более